

ХОРИСТЫ

О чем маленькие люди поют Богу

Они появляются в храме раньше всех. Прежде чем занять места на клиросе, подходят к иконам — и перед каждым образом начинает мерцать лампада. Их голоса пока тихи, осторожны и смешиваются друг с другом. Но через несколько минут все будет по-другому. Большинству из них не больше десяти лет.

Пролог

Ранним декабрьским утром холодно, промозгло и темно. В воскресенье все спят, на улице лишь изредка обгонит машина, да редкий прохожий, кутаясь в верхнюю одежду и замерзая, мечтая о скором возвращении в теплый дом, выгуливает собаку. Бежишь-бежишь от метро, но согреться нет возможности, подсознание уверенно шепчет организму, что тот спит, ночь еще не прошла.

Вот показываются между домами кованые железные прутья решетки, на калитку надо сильно надавить, чтобы, скрипя и кряхтя, она тебя впустила с таким мерзким железным звуком, который отдается мурашками по всему телу, и без того озябшему. Наскоро перекрестившись и открыв старинную массивную дверь с железной щеколдой, вдыхаешь чуть влажный воздух, самый вкусный в мире. Первый звоночек, что утреннее испытание пройдено. Все уютное, тяжелое остается там, в темноте, на безлюдных морозных улицах, а тебя — ждет награда.

Было время, когда старался прийти раньше всех. Тогда, если везло и старший алтарник был благо-

склонен, тебе позволялось затеплить лампадки перед иконами, поставить первые, пахнущие дурманящим летом и медом, свечи. Сейчас кто-то другой так делает, пока не уступит право участия в этой эстафете новым жаждающим. Впрочем, всегда есть возможность снова вернуться в то время — стоит только соскучиться по тому ощущению встречи с храмом, когда в нем еще почти никого нет.

Первый возглас

Сегодня в храм великомученика Никиты в Старой Басманной слободе, приписанный к московскому Богоявленскому кафедральному (Елоховскому) собору, первыми приходят они — маленькие люди, христиане с самой чистой душой и, наверное, с самой горячей верой. Часть мальчиков уже переоделись в стихари и помогают остальным облачиться, другие с важным видом ходят от лампадки к лампадке, даря ей свет — кажется, собственного сердца. Правда, этот самый важный вид у них куда-то пропадает, как только они останавливаются перед очередной иконой, а глаза в немом восторге замирают, предвкушая, как лучики света, преломленные цветным стеклом, оживят икону и всех святых.

На клиросе справа — оживленное движение, перешептывание, толкотня, какая бывает только среди детей, хотя бы несколько часов друг друга не видевших. Ребятня приводит себя в порядок, девочки надевают платочки, мальчики поправляют воротнички рубашек, достают папки с нотами. Конечно же, кто-то дома забыл этот клад с точками и крючками на пяти линейках — и регент переставляет их так, чтобы ноты всем было хорошо видно.

Звучит первый возглас, такой громогласный, такой свой, настоящий, любимый — вот оно, началось! Дети в момент прекращают возню, вытягиваются по струнке и, кажется, сами летят вслед за этим возгласом немим эхом прямо к небесному куполу. Один из алтарников подхватывает, начиная читать столь привычное: «Услыши, Господи, правду мою...» Высокий юношеский голос четко,

Дети вытягиваются по струнке и, кажется, сами летят вслед за этим возгласом немым эхом прямо к небесному куполу.

мерно, небыстро, нараспев читает псалмы, настроивая всех в храме на одну, для всех совершенно известную, цель. Чуть слышны звуки тонов, которые регент дает своим певчим, и звон цепочки и колокольчиков на кадиле из алтаря. Специальная «детская» Литургия? Ничуть. В приписном к Елоховскому собору храме великомученика Никиты так бывает каждое воскресенье.

После службы спрашиваю у одного певчего маленького росточка:

- Тебе сколько лет? Как зовут?
- Ваня! Мне шесть лет.
- И давно ты в храме поешь?
- Да, — отвечает мальчик. — Давно.
- И сколько же?
- Два года уже.

Рядом стоит мальчик в стихаре, по виду ровесник. Так и оказалось — Никита, семь лет.

— А ты в хоре не поешь?

— Нет. Раньше я пел во взрослом хоре, — многозначительно говорит Коля. — А алтарничая примерно лет с пяти. Начал ходить в этот храм с раннего возраста, с рождения. Я ходил с мамой, она пела в хоре, я в это время тоже был в хоре, сначала просто находился, потом начал петь, а потом меня взяли в алтарь.

— А что для тебя быть алтарником?

— Алтарник — это нечто почетное, ты не просто стоишь в народе, ты в алтаре находишься ближе к этому действию, видишь, что происходит в храме. Я рад служить и помогать в алтаре.

— А свое первое впечатление от того, как ты первый раз стихарь надел, помнишь?

— Нет, не помню. Но помню, когда я в первый раз вошел в алтарь, я очень был впечатлен. Ни разу там не был до этого. И когда мне показывали, что там внутри, как что устроено, я стоял и боялся рот раскрыть, я был удивлен, такой восторг был! А до того я просто помогал. Лет мне было ➤

мало, года четыре, может, чуть больше. Просто пел и радовался, что ходил в храм. Как я мог петь? Мелодию чисто, и всё. Но тогда для меня и этого было вполне достаточно.

Не выгонять детей из храма

Свет озаряет все пространство храма — часы кончились, дьякон велит всем «восстать», и клирошане вливаются в стройный ход службы так, как будто ничего другого и не предполагалось, как будто ничего нет удивительного, что костяк хора составляют в основном дети 10-11 лет, остальным и того меньше. Когда батюшка или дьякон совершают каждение, они все в ответ кланяются — и с таким достоинством и смирением одновременно. На память приходит описание службы в какой-то разъясняющей книжке — там были просто слова, просто последование, протокол. А здесь — жизнь. Каким-то седьмым чувством это понимание сразу достигает сердца. Так бывает.

До того как прийти на службу, я познакомилась с руководителем школы хористов Богоявленского

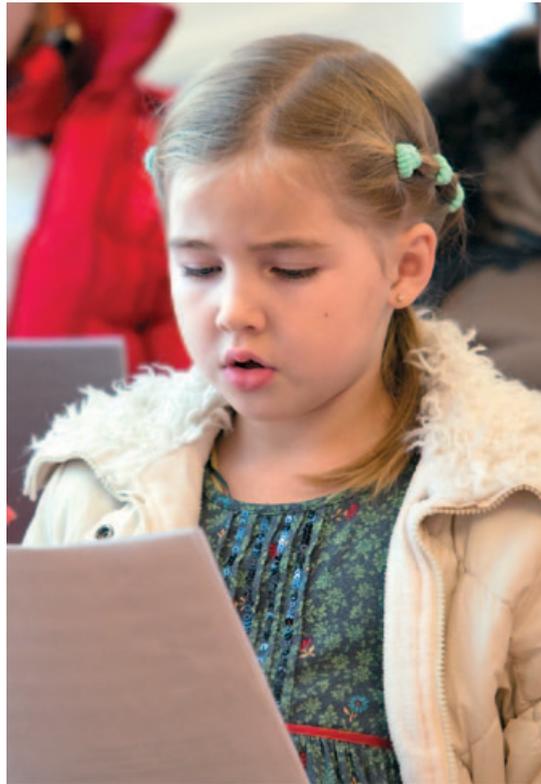
собора, воспитанники которой поют и алтарничают в храме, Юлией Вениаминовной Чечуровой. И первые вопросы — как вообще это все у них зародилось, почему, зачем?

«Мы сейчас называем это возрождением традиций — детский хор и мальчишки-алтарники, — говорит Юлия Вениаминовна. — Но когда эти традиции были утеряны? Знаете, если взять какие-нибудь журналы середины XIX века или сборники типа «Душеполезного чтения», то мы увидим, что уже тогда и прихожане, и священники говорили, что традиции церковные оскудевают. Так что задача перед нами стоит очень серьезная — восстановить традицию, утерянную более 150 лет назад, и прививать любовь к службе и к храму детям, да и самим учиться. Мы можно сказать, стали реформаторами на новый лад. Сейчас модно организовывать при церквях детские площадки, чтобы дети не отвлекали молящихся от Литургии и их присутствие в храме было незаметно. А у нас получается наоборот: мы не только не пытаемся детей куда-либо запереть, но как можно больше привлекаем их к участию в службе».

В храме мальчиков-алтарников больше десяти, и все активно участвуют в Литургии. Вот стоят двое шестилеток в стихарях перед солеей со свечами, кланяются благословляющему священнику, а когда батюшка уходит, смотрят друг на друга — забыли куда кому идти, замешкались, успели даже подискутировать. В итоге вместе пошли в северные

В храме мальчиков-алтарников больше десяти, и все активно участвуют в Литургии.

Маленькая Ирочка спешит поделиться своей радостью: — Мне очень важно петь! Чтобы радовать Бога, всех святых.

врата. Маленькие под присмотром тех, кто постарше, но все как один ловят взгляд священника, стараются предугадать, предвосхитить, показать, что они все помнят, знают. Если меньший что-то не так делает — старший тихо, чтобы другие не заметили, поправит, покажет, как надо.

Обычай привлечения детей к участию в службе возник благодаря почетному настоятелю храма — протопресвитеру Матфею Стаднюку. Он вернулся из Нью-Йорка и возглавил Елоховский собор в семидесятых годах прошлого века. Из Америки отец Матфей и привез с собой эту традицию, которая в русском зарубежье, среди оторванных от родины эмигрантов сохранилась больше, чем в самой России. С легкой руки отца Матфея в храме появились мальчики-алтарники, в хоре стало приветствоваться, чтобы детей брали в качестве учеников.

«Причем обратите внимание, все это происходило в советское время, — напоминает Юлия Вениаминовна, — когда детей и в храм-то не допускали! На Рождество и Пасху стояло оцепление вокруг собора, не пускали не только людей без приглашения, но и всех, кто моложе 17 лет. Детям очень сложно было просочиться. Сохранились даже такие соборные легенды, что если кто-то, мальчик или девочка, хотел попасть на службу и мимо проходил соборный священник, то все они сказывались его детьми. Вроде как „поповичей“ пропускали в этот храм. Когда кто-то не мог пробиться, кричал: „Отец Николай!“ „Ой, это мой-мой-мой“, — отвечал батюшка и всех проводил. Милиционеры, которые стояли в оцеплении, озадаченно обсуждали многолетие священников в соборе. Понимаете, в советское время традиционные семейные ценности из страны уходили. Но нас спасало то, что весь храм был словно одна

большая семья. И воспитанием детей занимались не только мама-папа, а еще и священник, который служит, алтарники, дьяконы, которые не поленятся сделать замечание, если надо. Наши дети росли и сейчас растут в этом духе общей любви и ответственности».

Анечка Пятницкая, девочка лет тринадцати, делится со мной после службы:

— Я пою в церковном хоре с малого детства. Мне это так нравится — не передать. Когда я участвую, я прославляю Господа, а когда просто стою на службе, то не так молюсь, душа не радуется, или я просто не чувствую, уже не принимаю участие в Богослужении так, как умею и хочу. Это для меня очень важно. Я прихожу и наслаждаюсь тем, что от меня тоже зависит служба.

Ей вторит маленькая Ирочка, спешит поделиться своей радостью:

— Мне очень важно петь! Чтобы радовать Бога, всех святых. И вообще, я уже многие тексты знаю, могу понять, где какой момент службы.

В 1989 году после торжеств по празднованию Тысячелетия Крещения Руси была открыта воскресная школа при Богоявленском соборе, и отец Матфей поставил перед приходом задачу создать детский хор, который бы не просто пел песни, но и обязательно участвовал в богослужении.

«В те годы, — вспоминает Юлия Вениаминовна, — мы плохо представляли себе, как правильно заниматься с детьми церковным пением. И снова постарались опереться на опыт эмигрантских кругов, хорошо знакомый отцу Матфею. Он говорил, что надо с большой снисходительностью относиться к детям. Это значит, что службу они не всю поют, а чуть-чуть, не каждый день, а два раза в неделю. Так постепенно и сложились наши „детские“ традиции». ➔

Малышам сложно просто стоять и следить за происходящим, потому что они не слышат, не понимают, отвлекаются. А когда они поют, то включаются в службу на 100 %!»

В ожидании Рождества

Сквозь открытые Царские врата видно с каким интересом маленький алтарник подошел к висящему на крюке кадилу около окна. Смотрел-смотрел, да как дунет! Сам испугался неожиданности своего поступка, ярких язычков пламени и взлетевшей угольной взеси, которая темным облаком опустилась на ковер. Тут же встал на коленки, начал аккуратно ладошками собирать. Смотрит, а у него все ручки черные, что дальше делать — пока не придумал. Мальчик лет двенадцати уже спешит к нему с салфеткой, помогает подняться и почиститься. А у окна напротив на скамеечке сидят пятеро — разглядывают друг у дружки печати на просфорах.

После службы все, радостные, бегут в домик при храме — куртки нараспашку, мороза не ощущают, да и яркое солнышко ласково встречает их, пробираясь сквозь серое небо. После обеда опять надо будет петь: занятия хора, повтор песнопений и — подготовка к фестивалю «В ожидании Рождества». В этом году он будет проходить уже второй раз, а инициатор — родной приход, Елоховский собор. Перед взрослым, компетентным жюри юные хористы продемонстрируют свои умения, традиции Рождественского христославия, репертуар рождественских колядок и духовных песнопений. Это поможет лучше подготовиться к великому празднику.

Перед началом репетиции регент Ольга Федорова, которая последние три года возглавляет хор в приписном храме, делится мыслями о том, почему важно «подключать» детей к богослужению:

«Да ведь в жизни нашей Православной Церкви ничего важнее, интереснее, насыщеннее, увлекательнее, и в том числе для детей, чем Литургия, нет. А участие в службе есть в некотором смысле уступка детскому возрасту — ведь малышам сложно просто

стоять и следить за происходящим, потому что они не слышат, не понимают, отвлекаются. А когда они поют, то включаются в службу на 100 %!»

Детский хор поет не только в приписном храме. В конце 2013 года в Елоховском Богоявленском кафедральном соборе впервые прошла «детская» литургия. За богослужением пел сводный детский хор воскресной школы Богоявленского собора и школы духовного пения храма св. мц. Татианы при Московском университете. Впервые сводный хор из 50 воспитанников воскресных школ исполнил все песнопения Божественной Литургии самостоятельно, без поддержки основного хора!

Послесловие

В детстве меня очень редко водили в храм, раза два в год, родители были невоцерковленными. Поэтому, когда приезжала бабушка, я могла рассчитывать на такое приключение. Главное и самое яркое впечатление, оставшееся в сердце, — это пение. Помню, как я сначала боялась подходить к клиросу, но потом все-таки осмелела и чаще всего в конце службы меня можно было найти где-то там, поблизости. Люди в хоре казались какими-то неземными, как будто вне службы они не существовали. Как они туда попали, где учились — такие вопросы даже не возникали в моем детском сознании. Я была просто очарована ими. В этом году в преддверии Рождества я увидела воплощенной не осознанную тогда мечту — вот же она, реальная, настоящая. Пусть все это случилось не со мной, а с другими детьми. Это не важно, когда есть Чудо. ✝.

Текст и фото Юлии Маковейчук